

© И. В. Столярова

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.20](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.20)

УДК 81.42 + 801.7

РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ «ВОСПИТАТЕЛЯ» (на материале современного художественного дискурса)

И. В. Столярова (Санкт-Петербург, Россия)

В статье рассматривается проблема манипулирования при помощи речи сознанием, и общественным, и отдельного человека. На материале рассказа Л. Юзефовича «Гроза. 1987 г.» показывается, что степень успешности манипуляции в значительной мере зависит от того, насколько широк арсенал используемых манипулятором средств психологического и речевого воздействия, насколько манипулятор гибок в их использовании. Отмечаются некоторые черты речевого портрета современного учителя. На материале анализируемого произведения показывается, что отношение к подросткам со стороны «воспитателя»-манипулятора конкретизируется в желании распоряжаться ими, стремлении получить одностороннее преимущество. Идентифицируясь со своей социальной группой, воспитатель становится проводником ее нормирующего воздействия и снимает с себя значительную долю ответственности. Пользуясь авторитетом сообщества, он увеличивает возможность воздействия на других для достижения собственных целей. Привлеченный языковой материал иллюстрирует агрессивные намерения выступающего с воспитательной лекцией инспектора ГАИ. Анализируются конструкции несобственно-прямой речи говорящего, публицистические речевые штампы, интригующая интонация и прочая «убедительная лживость». Иллюстрируются методы управления аудиторией: метод ложной вины и пристыжения. Манипуляция наносит ущерб самому манипулятору, который, апеллируя к низменным мотивам, невольно повышает их значимость в собственных глазах. Происходит деформация личности манипулятора. В заключение сделаны выводы о том, что недостаточный уровень общей и речевой культуры, отсутствие психологической подготовки не позволяют «воспитателю» достичь цели и преодолеть в целом негативное отношение подростков.

Ключевые слова: манипуляция, речевое воздействие, несобственно-прямая речь, речевой штамп, речевая культура.

Общечеловеческие ценности и социальные интересы, нередко противореча друг другу, вступают в тесные связи между собой и воплощаются в живом человеческом общении. Проблема манипулирования при помощи

речи сознанием, и отдельного человека, и общественным, – одна из самых интересных и жизненно важных.

Манипуляция изначально подвергалась детальному рассмотрению преимущественно

Столярова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: stolirina@gmail.com

в политологических работах. Проблему манипуляции исследуют многие ученые: Е. Л. Доценко [1], Д. А. Волкогонов [2], Г. Шиллер [3], В. Н. Сагатовский [4], Г. А. Ковалев [5] и др. По определению Г. Шиллера, **манипуляция** – «скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения» [3, с. 57].

Объектом манипулирования могут быть психические качества, побуждения, моральные нормы, нравственные ценности. Степень успешности манипуляции в значительной мере зависит от того, насколько широк арсенал используемых манипулятором средств психологического и речевого воздействия, насколько манипулятор гибок в их использовании. Как отмечает Е. Л. Доценко, отношения, с одной стороны, могут ориентироваться на признание самооценки другого человека как свободного, ответственного, имеющего право быть таким, как он есть; в таком случае установка на ценность другого конкретизируется в стремлении к сотрудничеству. С другой стороны, отношения базируются на обесценивании человека, на основе веры в неравенство людей, на ощущении собственного превосходства над другими [1, с. 100]. Наибольший интерес в теоретическом и практическом аспектах представляет то, что находится между этими полюсами.

Успеху речевой манипуляции способствует красноречие, которое ведет к установлению с партнерами диалогических отношений. Выступающему необходимо иметь склонность к речевому воздействию, к интерпретации действительности. Вопросам места языка в мире человека, искусства речи, речевых форм популяризации, новоязу посвящают свои работы многие исследователи: Н. Д. Арutyюнова [6], М. М. Бахтин [7], Е. А. Земская [8], Т. Г. Винокур [9], А. К. Михальская [10],

Ю. Н. Караулов [11], В. В. Одинцов [12], П. Соппер [13], Т. М. Николаева [14] и др.

Говоря о речевом портрете современного учителя, В. А. Козырев и В. Д. Черняк обращают внимание на то, что речевое поведение является визитной карточкой личности, и отмечают преобладание в педагогической среде среднелитературного типа речевой культуры, для которого характерна так называемая ортологическая пассивность, т. е. невнимание к языковой норме и ее нарушениям, собственная речевая небрежность, неумение и нежелание ставить вопросы о фактах языка и речи. Исследователи также акцентируют внимание на жаргонизации речи учителя, даже выраженной конфликтогенности, нагнетании отрицательной экспрессии [15, с. 41]. И. В. Столярова обращает внимание на приверженность учителей к употреблению пословиц, устойчивых выражений, позволяющих дистанцироваться от возникающих актуальных проблем [16, с. 134].

Учитель нередко прибегает к манипуляции – психологическому воздействию, направленному на неявное побуждение подопечных к совершению определенных манипулятором действий. Как отмечает Е. Л. Доценко, для манипуляции характерны искусственность, ловкость, мастерство исполнения [1, с. 47]. Манипуляция – психологическое воздействие, нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им.

Сюжет рассказа Л. Юзефовича «Гроза. 1987 г.» построен на противостоянии, конфликте двух сторон – воспитателя и воспитуемых. Наставником является Родыгин, инспектор ГАИ, пришедший в школу с лекцией о правилах безопасности на дорогах. Лектор из ГАИ, уверенный в себе и похожий, по мнению некоторых учителей, на крокодила в музее,

полностью убежден в правильности избранной линии поведения. Он безапелляционно декларирует пятиклассникам прописные истины, не обращая внимания на реакцию школьников. Его манипуляции просты и грубы: *Он еще с полминуты улыбался, усыпляя бдительность, потом вдруг рывкнул: – А ну, встать! Родыгин неутомимо, как метроном, отбивал такт, постукивая указательным пальцем по ребру столешницы. В конце концов, дело пошло.*

В мотивационном плане отношение к другому как объекту конкретизируется в желании распоряжаться им, стремлении получить одностороннее преимущество, непременно добиться своего. Родыгин выступает перед школьниками как представитель власти. Человек, идентифицируясь с той или иной группой, становится своеобразным проводником ее нормирующего воздействия и извлекает немало преимуществ для себя: он обнаруживает, что гораздо удобнее жить без груза ответственности, лежащего теперь почти целиком на сообществе, чьим представителем он является. За эти преимущества человеку приходится платить утратой свободы и индивидуальности [1, с. 69]. Член сообщества получает подкрепление для своей самооценки: в своих глазах он есть то, что он представляет, – государство, ГАИ. Отсюда – стремление доказывать свою значимость другим. Он, пользуясь авторитетом сообщества, увеличивает свои возможности воздействия на других для достижения собственных целей, например, удовлетворения невротических потребностей. (Попад в критическую ситуацию, Родыгин определяет себя как *душу непонятую, оболганную, запертую в старом зябнущем теле.*)

Лектор не использует традиционные речевые средства установления контакта, вызывающие ответную реакцию адресата: обраще-

ния, вопросы, вводные компоненты, выражающие уверенность в сочувствии, в согласии аудитории с мнением оратора, призывающие ее к вниманию и пониманию (*видите ли, понимаете ли* и т. п.), разнообразные частицы (*не так ли, же* и др.), слово *да*, *мы*-совместности.

Сам не зная того, инспектор ГАИ придерживается **американизированного риторического идеала** (по классификации А. К. Михальской [10, с. 135]), который диалогичен только по форме, но не по содержанию. Ораторы, следующие ему, не умеют беседовать, они заранее знают ответы на поставленные вопросы, создают видимость живого диалогического общения, искусно манипулируя аудиторией. За время общения со школьниками Родыгин выработал свою тактику: *Все свои беседы Родыгин начинал с тихой лирической ноты, призванной создать атмосферу взаимного доверия, после переходил к деловой части, а в заключение пересказывал несколько занимательных, но тематически выдержанных историй с последних страниц журнала «За рулем».* Родыгин, даже наедине с собой, мыслит книжными штампами, оценивая свою деятельность: несобственно-прямая речь полна казенных выражений. Приведем примеры: 1) *наглядно-образное мышление пятиклассников требовало большей конкретики, поэтому Родыгин рассказал о происшествии, свидетелем которого был якобы лично;* 2) *на своих беседах он всегда ставил перед детьми проблемные ситуации, обучал, воспитывая, и воспитывал, обучая, как делают лучшие учителя-методисты;* 3) *судьба послала ему замечательное наглядное пособие для рассказа о вреде курения;* 4) *все свои беседы он старался закончить таким образом, чтобы после них оставались одновременно два противоположных чувства – полноты и незавершенности сказанного. Недостаточно просто изложить тему и сде-*

лать выводы, нужно еще внушить слушателям понятие о неисчерпаемости предмета. Родыгин виртуозно владел этим искусством.

Родыгин полностью игнорирует интересы и намерения аудитории, стремится добиться своего, в то же время, заботясь о производимом впечатлении; его скрытое воздействие опирается на автоматизмы и стереотипы.

Родыгин использует различные способы манипуляции: интригующую интонацию, чтобы переключить внимание слушающих, отвлекающую жестикуляцию, а также доверительный тон, который в таких случаях неизменно завораживал его самого, – тон человека, не только имеющего доступ к закрытой информации, но из уважения к данной аудитории позволяющего себе сказать то, чего в другой аудитории он бы, конечно, говорить не стал. Инспектор отдает себе отчет в манипулятивных действиях. Известный юрист начала XX в., П. С. Пороховщиков (Сергеич), употребляет выражение *убедительная лживость*, говоря о «дивной власти живой речи» [17, с. 218]. Родыгин иногда чувствует «легкие уколы совести», может «слегка смутиться», если сам передергивает с ответом. У этого человека, кажется, нет сомнений в справедливости и полезности своего поведения: *Программа беседы была исчерпана, но Родыгин полагал для себя делом чести закончить ее строго со звонком. Шумная благодарность маленьких слушателей, отпущенных по домам раньше срока, не трогала его сердце.*

Несмотря на внушаемость школьной аудитории, ей свойственна критичность восприятия, все большая осознанность стратегий манипулирования общественным сознанием, понимание того, что с нею «что-то делают при помощи речи». Выступающий также не может не учитывать заведомо отрицательное отноше-

ние к нему части аудитории, потому что в основе его деятельности лежит не столько стремление к взаимодействию с адресатом, сколько подавление его, по выражению Л. П. Якубинского, «естественной диалогической реакции» [18, с. 22]. Взаимоотношения выступающего и слушателей – это отношения, основанные нередко на противоборстве. Стратегия речи разрабатывается в расчете на конкретную аудиторию. И. А. Стернин рассматривает следующие параметры аудитории: небольшая (20–25 человек)/большая; хорошо подготовленная/мало подготовленная; женская/мужская; детская/подростковая/молодежная; настроенная по отношению к оратору положительно/равнодушно/отрицательно; однородная/разнородная [19, с. 107]. Выступление в небольшой аудитории может приобрести характер беседы, когда оратор привлекает слушателей к совместному рассуждению, а его аргументация должна быть особенно тщательной. В большинстве своем дети не понимают иронии и подтекста, но ценят событийность изложения. В речевом общении с ребенком должна присутствовать похвала, необходимая для его нормального развития. Дети неспособны долго сосредоточиваться на предмете речи, поэтому оратор должен заботиться о ее конкретности, эмоциональности, увлекательности, разнообразить приемы подачи доступного материала.

Инспектор использует один из методов управления аудиторией – метод ложной вины. Это особый вид тактики запугивания: манипулятор намекает добросовестной жертве, что она недостаточно внимательна, слишком эгоистична или легкомысленна. Это приводит к тому, что жертва начинает испытывать негативные чувства, попадает в состояние неуверенности, тревоги или подчинения [1, с. 99]. Приведем пример.

Филимонов встал. Маленький ушастый мальчик в школьной форме, ему показалось, что привычный мир остался далеко внизу, а сам он, как выдернутая из воды рыбина, прорезал головой спасительную пленку и теперь, хватая ртом воздух, задыхался от ужаса и одиночества.

Пристыжение как метод управления также порождает в жертве страх и неуверенность в себе. Манипулятор использует эту тактику, чтобы заставить других чувствовать себя малозначимыми и поэтому подчиниться ему: *За дверью царила могильная тишина, как во время контрольной работы за полугодие. Векшина теребила свой ключик, вид у нее был какой-то пришибленный.* Родыгину кажется, что он «компанейски подмигивает» девочке, а вместо этого Векшина с ужасом видит его «перекосившееся лицо с жутко зажмуренным глазом». Похвала, поверхностное сочувствие, притворный смех, улыбка – эти, на взгляд Родыгина, «положительные подкрепления» вызывают у школьников обратную реакцию.

Речь ведущего воспитательную беседу наполнена речевыми штампами публицистического и официально-делового стиля: 1) *придут годы, – сказал он, возвращаясь к доске, – вы все вырастаете, будете честно трудиться, и сами сможете приобрести автомобиль в личное пользование;* 2) *но одно запомните со школьной скамьи <...>;* 3) *обошлось без человеческих жертв, но жители целого микрорайона остались без хлеба. А ведь утром им идти на работу.*

Т. Г. Винокур отмечает, что «штамп», «шаблон», «трафарет» имеют негативно-оценочное значение и относятся, главным образом, к бездумному и безвкусному использованию выразительных возможностей языка [9, с. 98]. Беда манипулятора в том, что манипуляция наносит ущерб ему самому. Как

пишет Е. Л. Доценко, технология манипулятивного воздействия требует от манипулятора известной внутренней раздвоенности. Как правило, таковая уже имеется, поскольку именно желание справиться со своими же затруднениями ведет человека к использованию для этой цели других людей. Однако изменение других не проходит для него бесследно, поскольку достигается это посредством активной эксплуатации собственной противоречивости. Таким образом, используя другого, манипулятор наносит вред не только ему, но и самому себе [1, с. 103]. Родыгин живет в плену расхожих формул, не решаясь осознать свои возможности и желания. В конце школьного эпизода, когда Родыгин под ливнем гонится за Векшиной, в него ударяет молния. *Болела голова, ныла ушибленная лопатка, ступни почему-то покалывало, словно сквозь микропоровые подметки с подковками в них стреляло растворенное в почве небесное электричество. В то же время он не мог отделаться от чувства, что никакой молнии не было, а это пепельно-черное пятно под ногами выжжено жаром его души, непонятой, оболганной, запертой в старом зябнущем теле.* В этом признании – все отчаяние и безысходность нереализованной, страдающей личности, манипулятора, не решающегося заглянуть в себя.

Манипулятивная опасность может распознаваться на уровне как чувств, так и понимания. Эмоциональная оценка необязательно осознается, но так или иначе оказывает влияние на поведение человека. Интуитивное понимание манипуляции позволяет детям, сначала настроенным враждебно и воинственно, а в итоге – снисходительно, простить несимпатичного лектора, например: 1) – *Его убило молнией, – сказала Векшина с таким убийственным спокойствием, что Надежде Степановне стало страшно;* 2) – *Ой, Надежда Степановна! – вдохновенно кляузничала*

соседка Векшиной. – Он нам такое говорил, вы не поверите! Рассказывал, как детям ноги отрезают, и что всех будут сажать в тюрьму. Вместе с женами; 3) – Вы нам все очень интересно рассказывали, – сказал веселый мальчик, большую часть беседы просидевший под столом, и с пулеметным звуком выплюнул косточки.

Манипуляция как выражение неуважительного отношения к подросткам терпит крах, причиняя моральный ущерб самому манипулятору. Однако намечается переход от крайне несимметричных отношений (когда одна сторона пытается полностью властвовать над другой) к равноправным, человеческим. Это происходит вопреки поведению Родыгина и основывается на доброжелательности и сочувствии детей.

Родыгин, грубый манипулятор, не может подстроиться под особенности своей аудито-

рии, неловко пытается использовать так называемое «присоединение по...» – стратегиям поведения, эмоциональному состоянию. У него есть потребность в объединении, в общении со своими подопечными, но внутренняя ограниченность, косность не позволяют отойти от привычных стереотипов. Он терпит неудачу в стремлении создать у подростков иллюзию свободы выбора; неловкие попытки найти мотив, позволяющий проникнуть в психическую сферу, «влезть в душу», не приводят к успешной коммуникации. Прямолинейные социальные обобщения также вызывают отрицательную реакцию у слушателей. Недостаточный уровень общей и речевой культуры, отсутствие психологической подготовки не позволяют манипулятору достичь цели и преодолеть негативное в целом отношение подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Доценко Е. Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – 3-е изд. – М.: Речь, 2003. – 304 с.
2. **Волконогов Д. А.** Психологическая война. – М., 1983. – 352 с.
3. **Шиллер Г.** Манипуляторы сознанием / пер. с англ; науч. ред. Я. Н. Засурский. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.
4. **Сагатовский В. Н.** Социальное проектирование (к основам теории) // Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. – Томск, 1980. – С. 83–89.
5. **Ковалев Г. А.** О системе психологического воздействия. (К определению понятия) // Психология воздействия (проблемы теории и практики): сб. науч. тр. / ред. А. А. Бодалев. – М., 1989. – 153 с.
6. **Арутюнова Н. Д.** Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
8. **Земская Е. А.** Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 34–47.
9. **Винокур Т. Г.** Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – 4 изд. – М.: URSS, 2009. – 169 с.
10. **Михальская А. К.** Основы риторики: Мысль и слово. – М., 1996. – 278 с.
11. **Караулов Ю. Н.** О состоянии современного русского языка // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 8–19.
12. **Одинцов В. В.** Речевые формы популяризации. Методика лекторского мастерства и ораторского искусства. – М.: Знание, 1982. – 80 с.

13. **Сопер П.** Основы искусства речи: пер. с англ. – 2 изд. – М.: Прогресс, 1992. – 416 с.
14. **Николаева Т. М.** Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 154–165.
15. **Козырев В. А., Черняк В. Д.** Речевой портрет современного учителя: поиски идеала // Вестник Герценовского ун-та. – 2010. – № 1 (75). – С. 36–42.
16. **Столярова И. В.** Лексико-синтаксические средства создания образа учителя в современной прозе // Слово. Словарь. Словесность: Языковая личность ученика и учителя. Актуальные проблемы межличностной коммуникации: мат-лы Всероссийск. науч. конф., СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – С. 132–139.
17. **Пороховщиков П. С.** Искусство речи на суде. – Тула: Автограф, 1999. – 320 с.
18. **Якубинский Л. П.** О диалогической речи // Л. П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17–58.
19. **Стернин И. А.** Практическая риторика. – М.: Академия, 2003. – 272 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.20](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.20)

Stoliarova Irina Vitalievna, Candidate of Philology Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, Philological Faculty, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: stolirina@gmail.com

SPEECH MANIPULATION OF THE «EDUCATOR»

(based on modern art discourse)

Abstract

The article presents the problem of manipulating the consciousness of an individual and social consciousness with the help of speech. The material of the story “Thunderstorm. 1987” by L. Yuzefovich shows, that the success rate of manipulation is largely dependent on psychological and speech influence of the manipulator if the latter is flexible in their use. The author points out some features of the speech portrait of the modern teacher. The analysis of the text shows that the attitude toward teenagers is specified in the desire to command them, striving to obtain unilateral advantage. By identifying with their social group, the teacher becomes a conductor of its normalizing impact and disclaims any significant share of his responsibility. Using the authority of the community, he employs the opportunity to influence the others to achieve his own goals. The attracted language material illustrates aggressive intentions of the speaker – a traffic police officer. Reported speech constructions, journalistic clichés, intriguing intonation and other “compelling mendacity” is used for manipulation. Another audience manipulation technique is the method of false accusation and embarrassment. Manipulation may harm the manipulator’s self because using unfair methods he may lose some important moral criteria. Deformation of the manipulator’s personality may occur. The author concludes that an insufficient level of general and speech culture, lack of psychological preparation does not permit the “educator” to achieve his goals and overcome the negative attitude of teenagers in general.

Keywords

manipulation, speech effects, double indirect discourse, speech cliché, speech culture

REFERENCES

1. Dotsenko E. L. *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection*. Moscow, Speech Publ., 2003, 304 p. (In Russian)
2. Volkogonov D. A. *Psychological warfare*. Moscow, 1983, 352 p. (In Russian)
3. Schiller G. *Manipulators of consciousness*. Per. with English; Sci. (Ed.) Y. N. Zassoursky. Moscow, Thought Publ., 1980, 326 p. (In Russian)
4. Sagatovsky V. N. Social engineering (to the basics of the theory). *Applied ethics and moral education management*. Tomsk, 1980, Pp. 83–89. (In Russian)
5. Kovalev G. A. About psychological impact (By the definition of the concept). *Psychology of influence (theory and practice)*. Sat. scientific. tr., ed. A. A. Bodalev. Moscow, 1989, 153 p. (In Russian)
6. Arutiunova N. D. *Language and the world of man*. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1999, 896 p. (In Russian)
7. Bakhtin M. M. *A esthetics of verbal creativity*. (Ed.) S. G. Bocharov. Moscow, Art Publ., 1979, 424 p. (In Russian)

8. Zemskaya E. A. Newspeak clichés and citation in the language of post-Soviet society. *Questions of linguistics*. 1996, no. 3, pp. 34–47. (In Russian)
9. Vinokur T. G. *Speaker and listener: Options verbal behavior*. Moscow, URSS Publ., 2009, 169 p. (In Russian)
10. Mihalskaya A. K. *Basics of rhetoric: thought and speech*. Moscow, 1996, 278 p. (In Russian)
11. Karaulov Y. N. About the state of the modern Russian language. *Russian speech*. 2001, no. 3, pp. 8–19. (In Russian)
12. Odintsov V. V. *Verbal forms of popularization. The technique of lecturing skills and oratory*. Moscow, Knowledge Publ., 1982, 80 p. (In Russian)
13. Soper P. *Basics of art speech*. 2 ed. Moscow, Progress Publ., 1992, 416 p. (In Russian)
14. Nikolaeva T. M. Linguistic demagoguery. *Pragmatics and intensionality problems*. Moscow, 1988, pp. 154–165. (In Russian)
15. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Speech portrait of the modern teacher: the quest for the ideal. *Bulletin of Herzen University*. 2010, no. 1 (75), pp. 36–42. (In Russian)
16. Stoliarova I. V. Lexical and syntactic means of creating an image of the teacher in modern prose. *Word. Dictionary. Literature: Linguistic personality student and the teacher. Actual problems of interpersonal communication*. Proceedings of the Scientific Conference. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2011, pp. 132–139. (In Russian)
17. Porokhovshchikov P. S. *Art speech at the trial*. Tula, Autograph Publ., 1999, 320 p. (In Russian)
18. Yakubinsky L. P. The dialogical speech. L. P. Yakubinsky. *Selected works: Language and its functioning*. Moscow, 1986, pp. 17–58. (In Russian)
19. Sternin I. A. *Practical rhetoric*. Moscow, The Academy Publ., 2003, 272 p. (In Russian)